

Е.В. Титова

Вологодский государственный университет

ВОЛОГДА В СУДЬБЕ А.И. ЦВЕТАЕВОЙ: ФАКТЫ И ВЕРСИИ

В статье приводятся факты, причины и обстоятельства пребывания А.И. Цветаевой в Вологде. Ее личность и этап судьбы характеризуются на материале мемуарных источников, произведений писательницы и архивных следственных дел.

А.И. Цветаева, воспоминания, личность, Вологда, следственное дело, арест, допрос, литература.

Писательница Анастасия Ивановна Цветаева (1894–1993), младшая сестра Марины Ивановны Цветаевой, известна меньше, хотя именно с ее «Воспоминаний», изданных в 1971 г. совсем небольшой по объему книгой, была открыта дорога цветаеведению в нашей стране. Не претендовавшая на особое положение, признававшая свой дар более скромным, чем у сестры, А.И. Цветаева в своем творческом наследии предстает как самостоятельное, уникальное, а потому достойное изучения явление русской автобиографической прозы. Освоение созданного А.И. Цветаевой, по сути, лишь начато, и это освоение необходимо для углубления наших представлений о вкладе семьи Цветаевых в мировую культуру, для постижения связи личности и эпохи XX века в России и понимания мемуарно-новеллистической составляющей литературного процесса в ее тематических, жанровых, стилистических открытиях. Важнейший шаг в этом направлении сделан в 2009 г.: 27 сентября в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве состоялась Международная конференция «Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие». В предисловии к сборнику материалов этой конференции доцент кафедры Тюменского государственного университета Александр Медведев так сказал о духовном опыте А.И. Цветаевой: «Она сумела гармонично сочетать любовь к Богу с любовью к человеку, обычно так трудно достижимые в жизни и так часто расходящиеся в истории. “Писательница-инокиня”, она разрешила и другой мучительный для русской культуры XIX–XX вв. конфликт – творчества и веры» [2, с. 6].

Биография такой личности сама по себе не менее значима как явление культуры. А так называемые «вологодские штрихи» в судьбе писательницы расширяют и дополняют сведения, содержащиеся в книге Станислава Айдиняна¹ «Хроникальный обзор жизни и творчества А.И. Цветаевой» [1]. За время, прошедшее с момента публикации первой статьи [9] и очерков по данной теме в журнале «Вологодский ЛАД» [10],

удалось установить новые факты, уточняющие обстоятельства пребывания А.И. Цветаевой в городе Соколе Вологодской области, где писательница оказалась в 1947 г. после освобождения из сталинских лагерей и куда с машинописными рукописями произведений матери Марины Ивановны Цветаевой приезжала в этом же году Ариадна Сергеевна Эфрон. Судьба расселенного деревянного двухэтажного дома по-прежнему вызывает опасения у общественности, но совместными усилиями и при поддержке цветаевских музеев страны в 2018 г. достигнут положительный результат: на основании Государственной экспертизы и по решению Министерства культуры квартире № 6 в доме 8 по улице Фрунзе города Сокола, находящегося в 40 километрах от Вологды, придан статус объекта культурного наследия регионального значения, а все здание передано под управление федеральной организации «Кирилло-Белозерский музей-заповедник».

*Дом, в котором в 1947–1948 гг. жила А.И. Цветаева:
г. Сокол, ул. Фрунзе, 8. Фото Е.В. Титовой, 25.02.2015*

Актуальной, хотя пока лишь пунктирно проступающей, является и связь А.И. Цветаевой с областным центром. Благодаря архивным документам, частным воспоминаниям складывается представление о причинах знакомства писательницы с Вологдой в 1936 г., о характере ее общения с вологодским врачом-офтальмологом Е.В. Александровичем и пациентами глазной больницы в 1948 г., а также о поведении

¹ Станислав Артурович Айдинян – искусствовед, член Союза российских писателей (2002) и Союза писателей-переводчиков (2010), в 1984–1993 гг. литературный секретарь, помощник и редактор А.И. Цветаевой; автор множества исследований, очерков, эссе, посвященных творчеству и кругу общения писательницы.

на допросах в период содержания в Вологодской следственной тюрьме весной 1949 г. после третьего в суде писательницы ареста (17 марта 1949 г.).

Тот факт, что А.И. Цветаева побывала в Вологде летом 1936 г., подтверждают материалы следственного дела по аресту А.И. Цветаевой в Тарусе 2 сентября 1937 г. [5]. Отвечая на вопрос следователя об отношениях членов мистической группы к руководителям – Борису Михайловичу Зубакину и Леониду Федоровичу Шевелеву, характере общения с ними, один из обвиняемых сообщает, что 30 июня 1936 г.² он и Анастасия Ивановна приехали в Вологду специально, чтобы побывать на могиле погибшего 15 апреля этого года при загадочных обстоятельствах Леонида Федоровича Шевелева (1903–1936). О последнем, являвшемся другом А.И. Цветаевой, пока известно мало: сын военного начальника, дворянин по происхождению, связанный со Смоленском, поселившийся в Москве примерно в 1926 году, на момент своей гибели работал на станции Вожега Вологодской области то ли железнодорожным техником, то ли прорабом на строительстве. Являлся соруководителем группы розенкрейцеров «Lux Astralis» (Свет звезд, Астральный свет) после ареста Б.М. Зубакина (1933 г.), поэтому неоднократно приезжал в Москву и навещал Б.М. Зубакина в Архангельске. В комментариях Ст. Айдиняна к сборнику стихов А.И. Цветаевой, посвятившей Л.Ф. Шевелеву три своих произведения (поэму «Ушедшему другу», стихотворение «Другу», новеллу «Родные сени»), сообщается также, что Шевелев «отличался удивительными качествами, аскетизмом, он мог гипнотизировать животных, сотрудничал со знаменитым дрессировщиком Дуровым» [6, с. 155], гибель его случилась тогда, «когда вез деньги рабочим: в поезде ограблен и сброшен на рельсы, под колеса. Есть подозрение, что к его убийству было причастно НКВД» (Там же).

Леонид Шевелев.
Фото из архива О.А. Трухачевой

² Дата не является случайной: именно 30.06.1907 г. в Озерках под Санкт-Петербургом чехом А.К. Кордигом был организован мистический религиозный кружок, доктрина которого была близка к христианской православной церкви. Активным участником данного объединения стал поэт-импровизатор, скульптор и религиозный проповедник Б.М. Зубакин (1894–1938), создавший затем в Смоленске и Москве братство последователей Кордига, в эту группу вошла и А.И. Цветаева.

Допрашиваемый сообщает, что он в этот же день вернулся в Москву, тогда как Анастасия Ивановна, по его словам, задержалась в Вологде, чтобы затем проехать в Архангельск к высланному туда Зубакину. Сведения эти позволяют предположить, что срок первого пребывания А.И. Цветаевой в Вологде был не меньше суток: старое Введенское кладбище расположено довольно далеко от железнодорожного вокзала в заречной части города, а чтобы найти могилу, необходимо было встретиться с родственниками Леонида Федоровича, которые могли проживать не только в Вожеге³, но и в самой Вологде. Возможно, А.И. Цветаевой заранее удалось списаться с кем-то из этих родственников и, соблюдая принятую в группе конспирацию, она не рассказала спутнику о поручении Б.М. Зубакина, касающемся библиотеки и архива погибшего друга, каких-либо реликвий, которые она могла бы далее привезти в Архангельск. Версия эта опирается на свидетельства следующего характера, содержащиеся в следственных делах и известные по письмам:

- На допросе 23 марта 1949 года в Вологде А.И. Цветаева дает подробные пояснения по характеру уже не существующей группы «Lux Astralis», иерархии, ритуале посвящения и предметах, с помощью которых он проводился, в том числе о кресте «Сакре-Кер», главной реликвии группы, которая одно время хранилась у Л.Ф. Шевелева. Собирались вместе члены группы в количестве не более 3–4 человек для совместных молитв, бесед, «слушали разъяснения Зубакина по вопросам религии, нравственности, троичности божества, свойств божества, по различным философским вопросам» [4, л. 19], для чего требовалась соответствующая литература. Такая литература, безусловно, была и в библиотеке вологодского друга.

- Один из участников группы еще на допросе 1937 г. дал показания, согласно которым «большую библиотеку мистической литературы и рукописей имел Леонид Шевелев» [5, л. 38], собиравшийся «закопать рукописи в Вожеге /Сев.ж.д./, что, видимо, и сделал» (Там же), опасаясь ареста. В 1936 г., таким образом, Анастасия Ивановна могла надеяться на получение если не рукописей, так хотя бы книг, способствующих сохранению памяти о друге и необходимых группе Зубакина или самому руководителю, к которому она отправилась дальше.

- Еще до своего освобождения из лагеря в 1947 г. А.И. Цветаева в письме к сыну указывает адрес в Вологде, используя досоветское название улицы – Кирилловская, 17⁴, где ей непременно надо побывать у одной женщины. Если предположить, что этот адрес был ей известен ранее, а не связан со знакомствами при лагерных скитаниях и пересылках на волю каких-либо бумаг, то женщина, жившая по этому адресу, скорее всего, и была либо знакомой Шевелева, либо его родственницей.

³ Вожега – станция Северной железной дороги, находится в 140 км от Вологды.

⁴ Центральная часть Вологды, с 1918 г. улица Советская, с 1956 г. и сейчас – улица Ленина, предположительно в 1930–1940 гг. под номером 17 значился деревянный двухэтажный дом (не сохранился).

*Бывшая Кирилловская, с 1956 г. улица Ленина в Вологде.
Снимок из Интернета*

- В произведении «Старость и молодость» А.И. Цветаева указывает Вологду (2-й после Москвы) при перечислении других городов в связи с ежегодными с 1959 г. летними поездками с внучкой Ритой, сопровождая общий перечень характеристикой: «там — дома моих старых друзей» [12, с. 246]. Далее по тексту этого произведения Вологда упоминается и в связи с периодом 1947–1949 гг. Если старые друзья — это все же те, с кем познакомилась раньше, а не тогда, когда жила в Печаткино (г. Сокол), то среди этих друзей могли быть родственники Шевелева или женщина, о которой говорилось выше. Они могли приютить писательницу и летом 1936-го, не исключено, что помогали ей и раньше (первая поездка к ссыльному Зубакину состоялась в 1935 г.). Однако и об этих более ранних поездках, и о поездке 1959 г. (в связи с реабилитацией?) или 1960 г. ничего неизвестно. А по словам Маргариты Андреевны Мещерской, она в Вологде ни в конце 1950-х, ни позднее не бывала.

Вторая встреча с Вологдой была вызвана ухудшением зрения, по всей видимости, начавшейся катарактой, на фоне трудных бытовых обстоятельств жизни послевоенных лет в рабочем поселке Печаткино. В мае-июне 1948 г. примерно полтора месяца А.И. Цветаева находилась на лечении в глазной больнице, одноэтажном деревянном здании, расположенном по адресу: ул. Герцена, 40; сравнительно недалеко от железнодорожного вокзала. О враче-офтальмологе, ученице Филатова и заведующей этой больницы Евгении Васильевне Александрович (1899–1984) писательница по-доброму отзовется в повествовании «Моя Сибирь», сравнив порядки и атмосферу в вологодской клинике с теми условиями, в которых ей пришлось проходить лечение в новосибирской больнице (не в пользу последних)⁵. То, что общение с Е.В. Александрович, по крайней мере эпистолярное, продолжилось в дальнейшие годы, подтверждают следующие факты и сведения:

- информация⁶, содержащаяся в одном из самиздатовских сборников Г.К. Васильева и Г.Я. Никитиной «Телефон на Б. Спасской» за 1988 г. В телефон-

ном разговоре 7 января этого года писательница говорит, что с направляющимся в Минск мужем своей подруги Валерием Васильевичем Полибиным передала письмо для Е.В. Александрович⁷, характеризуя ее так: «она известный врач, ученица Филатова и мой друг». И добавляет: «Мы с ней изредка переписываемся». Комментарий данного разговора включает сведения о том, что «сохранилась переписка Евгении Васильевны с Анастасией Ивановной за период 1950–87 гг. — 23 письма». Если слово «переписка» в данном случае не оговорка составителей, то, по всей видимости, им удалось уже в 1988 г. получить из Минска и письма, автором которых является А.И. Цветаева;

*Евгения Васильевна Александрович.
Фото из архива Г.М. Шарого*

*Герцена, 40. Глазная больница в Вологде.
Здание не сохранилось. Снимок из Интернета*

- автограф — дарственная надпись в журнале «Литературная Грузия» за 1968 г. (№ 3): «Дорогой Евгении Васильевне — с любовью и уважением — мои встречи с Горьким и кусочек Италии. В память моего лечения у Вас 20 лет назад в больнице под Вашей рукой — райской. Навсегда благодарная пациентка» (журнал находится в личном деле Александрович Е.В., которое хранится в Государственном архиве Вологодской области [3]);

⁷ Согласно дате, зафиксированной в фонде ГАВО, Е.В. Александрович ушла из жизни в 1984 г. Если нет ошибки в такой дате, тогда получается, что в начале 1988 г. А.И. Цветаева об этом еще не знала.

⁵ Подробнее об этом — в статье: Титова Е.В. Вологодские штрихи в судьбах Цветаевых // Вологодский ЛАД. 2015. № 2. С. 76–87. Дополнительные сведения, полученные осенью 2020 г., требуют отдельной статьи, посвященной врачу Е.В. Александрович, ее деятельности в Вологде и участию в судьбе А.И. Цветаевой.

⁶ Сканированные фрагменты страниц издания присланы руководителем музея А.И. Цветаевой в Павлодаре О.Н. Григорьевой электронным письмом 25.09.2020; дальнейшее цитирование осуществлено по этим фрагментам.

- видеорассказ⁸ проживающего в Минске архитектора Геннадия Михайловича Шарого и его рукописные воспоминания⁹ о первом разговоре с писательницей, состоявшемся в 1981 г. и включавшем в себя высокую оценку усилий вологодского врача («Она спасла мне жизнь»), а также о том, как поясняла свои впечатления от знакомства с Анастасией Ивановной в 1948 г. Евгения Васильевна: «Вечерний обход. Большая палата. Уже время отдыха. Подхожу. В палате скопление людей. В центре – моя пациентка, уже окрепшая, читает на английском и тут же переводит “Сонеты” В. Шекспира. В тот вечер я нарушила больничный режим и тихонько, послушав, удалилась в ординаторскую»;

- воспоминания члена Белорусского Союза композиторов Валентины Васильевны Серых. В.В. Серых лично знала Анастасию Ивановну Цветаеву, близко и часто общалась с ней в Москве, иногда жила у нее, помогая по хозяйству, а когда в 1980-х уезжала в Белоруссию, то писательница снабдила ее минским адресом Е.В. Александрович, которая в свою очередь тепло встретила Валентину и рассказала ей о главной причине, по которой она из Ленинграда в 1932 г. приехала в Вологду¹⁰, и о некоторых обстоятельствах, связанных с Анастасией Ивановной.

Вологодского врача в 1948-м, при первом же осмотре, «поразила степень истощения»¹¹ Анастасии Ивановны. И все же почти два месяца (с начала мая по конец июня), которые писательница провела в больнице, а также качественное лечение и режим сказались благотворно. Об этом говорит и фотография, сделанная в Печаткино по возвращении: А.И. Цветаева с внучкой Ритой запечатлена на застекленном деревянном балконе дома № 8 по ул. Фрунзе (тогда Первый квартал, 17) – она выглядит отдохнувшей. Из Печаткино она как-то писала З.М. Цветковой: «...задыхаюсь без общения» [7, с. 715], а в больнице общение с врачом и другими пациентами было активным. С Евгенией Васильевной, знавшей немецкий и польский языки, расположенной к повествованию на документальной основе (в послевоенные годы ее очерки на медицинские темы появлялись в газете «Красный Север»), писательницу сближало многое. Продолжалась переписка с близкими: сохранились, например, несколько полученных ею в этот период открыток от А.С. Эфрон. Активность общения и воздействие, которое Анастасия Ивановна оказывала на других, даже стали причиной продления срока пребывания в больнице. Далее привожу выдержки из воспоминаний В.В. Серых, основанных на рассказах Евгении Васильевны в Минске:

*А.И. Цветаева с внучкой Ритой
на балконе дома в Печаткино (городе Соколе),
предположительно летом 1948 г.
Фото из архива О.А. Трухачевой*

«Лежала Анастасия Ивановна в общей палате – и так заинтересовала больных своими историями из жизни, что однажды, когда доктор собралась уже выписывать Анастасию Ивановну домой, вдруг пришла целая делегация больных, попросившая врача оставить ее еще хоть на какое-то время (со слов Александрович: «такую интересную больную, которая рассказывала им столько интересного из своей жизни»). Наша доктор посмеялась – и... оставила Анастасию Ивановну в больнице еще на несколько дней. <...> Да, рассказами в палате, как считала Евгения Васильевна, Анастасия Ивановна как бы готовила свои будущие “Воспоминания”»¹².

Последнее замечание подтверждается и материалами вологодского следственного дела. А.И. Цветаевой пришлось пояснять следователю 9 имен тех людей, по которым она направляла запросы в Московский адресный стол. Среди них приятельницы родителей Анастасии и Марины Цветаевых: Сытенко Надежда Александровна (в 1948-м – ей 82 года; последний раз виделись в 1935-м; адрес ее был установлен, но на открытку А.И. Цветаевой ответа не было) и Дьяконова Антонина Петровна (примерно 78 лет, не виделись с 1923–1924 гг., «сейчас живет в Ленинграде» [7, л. 28] – говорит А.И. Цветаева, но связь установить не удалось), а также бывшая экономка в доме родителей Галдина Александра Олимпиадовна (примерно 70–75 лет в 1948 г.), с которой последний раз встречались в 1916-м.

Имея в виду эту последнюю из документально подтвержденных и совсем уже не добрую встречу с Вологдой после ареста 17 марта 1949 г. и общий срок заключения в следственной тюрьме, находившейся на месте бывшего Свято-Духова монастыря (в зданиях,

⁸ Видеозапись рассказа Г.М. Шарого осуществлена ученым секретарем Литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых города Александрова Э.Б. Калашниковой в 2016 г.

⁹ Присланы Г.М. Шарым в ноябре 2020 г. вместе с копиями некоторых документов и фотоснимков личным письмом. Две цитаты далее по тексту статьи приведены из этих рукописных воспоминаний.

¹⁰ Будучи научным сотрудником Глазного института в Ленинграде, она сочла себя виновной в гибели молодого человека, которому ей пришлось сказать о неизбежной в его случае полной потере зрения. Он был из Вологды, и Е.В. Александрович решила, что должна спасти от слепоты людей именно в этом городе.

¹¹ Цитируется письмо В.В. Серых, полученное по электронной почте 21.01.2018.

¹² Цитируется письмо В.В. Серых, полученное по электронной почте 22.01.2018.

которые от него сохранились), – 2,5 месяца (распоряжение об этапировании в Новосибирскую область датируется 1 июня 1949 г., а допросы ведутся до 14 апреля), следует, однако, принять во внимание содержательный характер материалов вологодского дела. Допросы проводил старший лейтенант, начальник 1-го следственного отдела УМГБ ВО Розенберг – фамилия обозначена в одном из научных изданий, где приводятся выдержки из вологодского дела [8, с. 420]. О дальнейшей судьбе этого человека дал первоначальные сведения знавший его лично вологодский краевед И.А. Подольный¹³. Невольная перекличка данной фамилии с термином «розенкрейцеры» символична: несколько носителей фамилии Розенберг вошли в списки репрессированных за участие в масонских ложах. В устных воспоминаниях А.И. Цветаевой, записанных Л.Л. Кертман, есть развернутая характеристика одного из тех, кто вел допросы, и думается, что эта характеристика имеет прямое отношение именно к Григорию Розенбергу: «Большинство следователей были совсем некультурные люди, а вот один мне запомнился – еврей, очень интеллигентный, литературой интересовался. Мы с ним на допросах в основном все о Горьком и Блоке разговаривали... Он и стихи любил, и знал много. Стихи Марины знал и просил меня почитать ее новые стихи. И о литературных делах, новостях в литературном мире много меня расспрашивал. А потом он смотрел на часы, спохватывался и говорил: «Извините, Анастасия Ивановна, я вынужден продолжать допрос», в самом деле, извиняющимся тоном говорил. Я уверена, если бы он мог, он бы после реабилитации меня обязательно разыскал. Значит, и сам сгинул, и его засосало это колесо...» [7, с. 282–283].

*Здание бывшей следственной тюрьмы в Вологде.
Фото А. Сберегаевой. 24.08.2019*

При сравнении текстов, входящих в тарусское и вологодское дела, становятся очевидными их сходства и различия. В первое в основном входят материалы по иным фигурантам «дела розенкрейцеров», на их фоне позиция А.И. Цветаевой выглядит как позиция

того, кто отказывается говорить, потому что каждое слово может быть использовано для обвинения других. Нажим следствия и логика изобличения по вологодскому делу ощутимы меньше, тональность ответов А.И. Цветаевой не меняется, хотя допросы длятся по 3 часа. Соотнесение времени и объема содержания протоколов позволяет предположить, что на ряд вопросов А.И. Цветаева ответа не дала или отказалась пояснять подробности – например, связанные с Ариадной Сергеевной Эфрон (следователь ставит, причем дважды, отметку – линию рядом с этой фамилией и фамилией Пастернака). О приезде А.С. Эфрон в Печаткино не говорится, характеристика «моя племянница» [4, л. 27] дополнена уточнением «дочь моей сестры – Цветаевой Марины Ивановны» (Там же), однако дальнейшая запись протокола связана уже с Пастернаком. Но и многое о составе мистической группы, характере общения людей, входивших в нее, писательница рассказала. Дело в том, что почти всех из этих людей уже не было в живых. А каждую характеристику известного ей еще здравствующего лица, в том числе знакомой по Печаткино Ревекки Самуиловны Каган, 60-летнего врача, скорее всего работавшей в лагере для пленных немцев, Анастасия Ивановна завершает фразой: «Ничего компрометирующего о ней мне не известно» (Там же, л. 29).

О Марии Ивановне Гринева-Кузнецовой, второй супруге Бориса Трухачева и своей подруге, приезжавшей в Печаткино предположительно летом 1948 г., она говорит: «Я характеризую Гринева как советски-настроенную личность, однако она религиозна», «в нашу мистическую группу она никогда не входила». (Там же, л. 27).

О себе сразу же поясняет: «До 1918 года я была атеисткой. В 1918 г., в связи со смертью моей близкой подруги Зилинской¹⁴ Валентины Павловны, я начала отказываться от своих атеистических взглядов и стала молиться» (Там же, л. 18). Говоря об отношении к мистике, А.И. Цветаева открыто заявляет: «Я и по сегодняшний день религиозный человек, стоящий на позициях православной церкви и идеализма» (Там же, л. 25). Ей удается настоять и на изменении термина – по всей видимости, она отказывалась подписывать протокол со словом «организация». Следователь пошел на уступки, то есть исправил на «группу», однако в итоговый обвинительный документ вошел термин «организация». Отрицает она и ведение антисоветской пропаганды среди заключенных в период нахождения в лагере, и то, что создание группы Зубакина было связано с политическими задачами, ибо «люди были объединены между собой в силу своих духовных интересов» (Там же, л. 19), а иерархию и ритуалы объясняет романтизмом руководителя и его увлечением средними веками. Кстати, свою принадлежность к масонам и масонский характер своих рукописей она отрицала еще в 1937 г. Следует обратить внимание и на такое заявление главного идейного вдохновителя группы Б.М. Зубакина: «Все мы – поэты. Все мы – писатели и пишем стихи. <...> Кому, кому мы мешали?» [8, с. 380].

¹³ Со слов И.А. Подольного, Григорий Розенберг был общительным и умным человеком. Карьере его в Вологде помешало то, что однажды он был замечен в ресторане «Север» в компании с бывшим подследственным. Вместе с семьей переехал в Минск.

¹⁴ Фамилия записана в протоколе именно так. В иных источниках: Зелинская.

Анкетный лист А.И. Цветаевой
из вологодского следственного дела.
Фото Е.В. Титовой

Тем не менее, первоначальное постановление о предъявленном обвинении, подписанное Розенбергом в Вологде 28 марта 1949 г., фиксирует, что Цветаева Анастасия Ивановна «является социально-опасной личностью», что она «входила в руководящий состав глубоко законспирированной контрреволюционной организации, действовавшей под прикрытием мистической религиозной» [4, л. 23]. Окончательное постановление 14 апреля 1949 г. уже утверждает, что писательница, «отбывая срок наказания продолжала свою антисоветскую деятельность», «клеветала на руководителя ВКП (б) и Советской власти, на жизнь в СССР, на политику Советского правительства» (Там же, л. 32).

Эти выводы не опираются на обнаруженное при обыске в Печаткино: при аресте А.И. Цветаевой 17 марта 1949 г. не было изъято никаких ценностей, за отсутствием таковых; а книги, рукописи были ей возвращены за два дня до предъявленного обвинения – 12 апреля 1949 года. В расписке указаны издания 1915–1916 гг.: первые книги А.И. Цветаевой «Королевские измышления» (именно так, на издании книги – слово «размышления»), «Дым, дым, дым»; сборник стихов «Не на радость» (по-видимому, раздел второй книги Марины Цветаевой «Волшебный фонарь»), 4 тетради рукописей на пишущей машинке (возможно, те, что привезла Ариадна Сергеевна Эфрон, то есть содержащие стихи и прозу Марины Цветаевой периода эмиграции), другие рукописи и эпистолярные документы, а также письмо на 11 страницах – его Анастасия Ивановна писала в день ареста. Подробная характеристика этих материалов в протоколах отсутствует, но в приложенной справке пункты 2 и 4 гласят, что «вещественных доказательств по делу нет» (Там же, л. 40), а «изъятая при аресте переписка, как не имеющая отношения к делу и не представляющая интереса, возвращена обвиняемой» (Там же).

Трудно предположить, что среди изъятых и затем возвращенных рукописей были страницы романа «Амог», созданного в лагере: он был написан так, что разобрать-расшифровать содержание мог бы только автор, а такие записи, скорее всего, вызвали бы дополнительные вопросы у следователя. То, что часть произведения была получена в Печаткино «из рук родственницы» [11, с. 3] и что оно Анастасией Ивановной оценивалось как опасное, подтверждают авторские характеристики к изданию романа: «...да и кому отдашь в перепечатку такое?» (Там же). Скорее всего, часть произведения («руины романа») снова была отправлена в Москву с подругой А.И. Цветаевой – актрисой Марией Ивановной Гриневой-Кузнецовой, приехавшей в Печаткино предположительно летом 1948 г.

А.И. Цветаева. Обложка книги «Неисчерпаемое»

Ситуацию, связанную с арестом в целом, можно, наверное, определить и так: Вологда в 1949 г., выполняя столичное распоряжение о «зачистке», то есть повторных арестах тех, кто уже был объявлен врагом советской власти, признала опасность самой личности Анастасии Ивановны Цветаевой и факта ее проживания в рабочем поселке при Сухонском бумажном производстве, в поиске ею старых и обретении новых знакомых, не усмотрев, однако, ничего противозаконного в ее занятиях литературой, в самом творчестве.

Оказавшись впоследствии в Новосибирской области, выжив в тяжелейших условиях поселения в Пихтовке (запрет на работу, суровый климат, нездоровье), А.И. Цветаева при встрече с родными, подросшей внучкой Ритой начинает вспоминать прошлое, рассказывать о нем. Эти устные рассказы будут записаны в Павлодаре в середине 1950-х, работа над их оформлением будет продолжаться и в Москве. Первое, значительно усеченное советской цензурой, издание знаменитых «Воспоминаний» А.И. Цветаевой

выйдет в 1971 г. Разумеется, ни о лагерных испытаниях, ни об арестах и допросах в этой книге ничего не будет сказано. В устных разговорах А.И. Цветаева и в перестроечные годы не будет поддерживать такие темы. Однако роман «Амор» она заново соберет из «руин», и он выйдет в свет с предисловием, указывающим на вологодское пространство жизни. Фраза «И меня повезли в Вологду» прозвучит и в фильме¹⁵ о судьбе А.И. Цветаевой в Пихтовке Новосибирской области.

Вполне можно допустить, что в окружении Анастасии Ивановны Цветаевой и в период ее жизни в Москве после реабилитации и при осуществлении ею многочисленных поездок, находились люди, которые были связаны с Вологдой. Думается, тема вологодских впечатлений не исключена не только в эпистолярном общении писательницы с Е.В. Александрович, но и с доктором филологических наук, профессором Ивановского государственного университета Павлом Вячеславовичем Куприяновским, родившимся в 1919 г. в деревне Семеново Сокольского района Вологодской области. Волею судьбы П.В. Куприяновский еще в середине 1960-х познакомился с Анастасией Ивановной Цветаевой, тогда же узнал о ее судьбе, а в 1984 г. беседовал с ней в Переделкино и о музейных хлопотах¹⁶, и о находке – обнаруженном им в фонде Д.В. Цветаева, дяди Марины и Анастасии, стихотворения, принадлежащего, возможно, перу деда писательницы – Владимира Васильевича Цветаева. Переписка, обмен книгами с дарственными надписями, новые встречи – все это было до ухода А.И. Цветаевой из жизни в 1993 г. П.В. Куприяновский утверждал, что ценность мемуарного творчества А.И. Цветаевой будет все более и более осознаваться, а о значении судьбы писательницы и о главных чертах своей современницы сказал так: «Русская интеллигенция в лице Анастасии Цветаевой впитала в себя все лучшее, что было в двух сословиях – в дворянстве и духовенстве. От первого – широкая культура, европейская образованность, тяга к искусству; от второго – Аввакумова стойкость в жизненных испытаниях, готовность к нравственному подвигу, вера в высшую целесооб-

разность бытия, которая вселяла душевную уравновешенность и помогала подняться над суетным и сиюминутным» [7, с. 462].

Литература

1. Айдинян, С. А. Хронологический обзор жизни и творчества А. И. Цветаевой / С. А. Айдинян ; Литературно-художественный музей Марины и Анастасии Цветаевых в г. Александро-Воскресенске. – Москва : АКПРЕСС, 2010. – 176 с.
2. Анастасия Ивановна Цветаева: жизненный путь и творческое наследие : материалы Международной конференции, посвященной 115-летию А. И. Цветаевой (Москва, 27 сентября 2009 г.) / [редакторы-составители: И. Ю. Белякова, Л. А. Викулина]. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 344 с.
3. ГАВО. Врач Евгения Васильевна Александрович (1899–1984). – Ф. Р-50. – 292 ед. хр.
4. ГАРФ. – Ф. 10036. – Оп. 1. – П-62771. – Д. 4338. – Копия.
5. ГАРФ. – Ф. 10035. – Оп. 1. – П-62771. – Д. 13537. – Копия.
6. Мой единственный сборник. – Елабуга: Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2009. – 198 с.
7. Последний луч Серебряного века : воспоминания об Анастасии Цветаевой / [составители: Г. К. Васильева, Г. Я. Никитина, О. А. Трухачева]. – Москва : Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. – 776 с.
8. Розенкрейцеры в советской России : документы 1922–1937 гг. / публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. – Москва, 2004. – 464 с.
9. Титова, Е. В. Вологодские штрихи в судьбах М. И. Цветаевой, А. И. Цветаевой и А. С. Эфрон: факты, гипотезы, перспективы архивных поисков / Е. В. Титова // Актуальная Цветаева : XVIII Международная научно-тематическая конференция, 8-10 октября 2014 года. – Москва : Дом-музей М. Цветаевой, 2014. – С. 90–101.
10. Титова, Е. В. Судьба Цветаевых. Вологодские штрихи / Е. В. Титова // Вологодский ЛАД. – 2015. – № 2(31). – С. 78–87.
11. Цветаева, А. И. AMOR : роман / А. И. Цветаева. – Елабуга : Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2009. – 372 с.
12. Цветаева, А. И. Моя Сибирь : [повести] / А. И. Цветаева. – Москва : Советский писатель, 1988. – 288 с.

E.V. Titova

VOLOGDA IN A.I. TSVETAIEVA'S LIFE: FACTS AND VERSIONS

The article presents the facts, reasons and circumstances of A.I. Tsvetaeva's stay in Vologda. The corresponding period and her personality are characterized on the basis of the memoir sources, the writer's works and archival investigative records.

A.I. Tsvetaeva, memoir, personality, Vologda, investigative records, arrest, interrogation, literature.

¹⁵ Этот первый фильм из триптиха «Вечное поселение. Сибирские мемуары» снят в 1990 г. на Западно-Сибирской студии кинохроники, режиссер Н. Малашина; операторы: И. Тигирский, С. Лаврентьев; не оцифрован; копия на диск осуществлена при показе на ТВ.

¹⁶ Речь шла об устройстве музея семьи Цветаевых в Ново-Талицах Ивановской области.